

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.01.07

DOI 10.35231/25419803_2021_1_6

С. Л. Слободнюк

Время умирать: «Песнь Песней Соломона» и Книга Екклесиаста в любовной трилогии А. И. Куприна

В статье предложен анализ библейского претекста в любовной трилогии А. И. Куприна: «Суламифь», «Гранатовый браслет», «Яма». Исследование цитатного уровня показало, что в художественном мире трилогии Соломон шаг за шагом уступает позиции Екклесиасту. Пессимистический настрой книги Проповедника, скрыто подчеркивая трагизм «Суламифи», в «Гранатовом браслете» определяет правила игры в любовь, которая «сильна, как смерть». И, наконец, в «Яме» «время любить» уступает место времени умирать.

Ключевые слова: Екклесиаст, любовь, «Песнь Песней Соломона», трилогия.

Sergey Slobodnyuk

A Time to Die: "Song of Solomon" and the Ecclesiastes in A. I. Kuprin's Love Trilogy

The article offers an analysis of the biblical pretext in A. I. Kuprin's love trilogy: "Shulamite", "The Garnet Bracelet", "The Pit". Examination of the quotation level has shown that in the artistic world of the trilogy Ecclesiastes is step by step prevailing over Solomon. The pessimistic mood of the book of The Preacher covertly emphasizing the tragedy of "Shulamite", defines the rules of the love game, which is "strong as death" in "The Garnet Bracelet". And finally in "The Pit" the "a time to love" gives way to "a time to die".

Key words: death, Ecclesiastes, love, "Song of Solomon", trilogy.

Творческое наследие А. И. Куприна вряд ли можно считать вершиной религиозно-философских исканий, которыми был охвачен Серебряный век. Даже «Река жизни» из одноименного рассказа явно не способна составить реальную конкуренцию горьковской реке времени, не говоря уже о «двух безднах» Мережковского, троекнижии Блока и люцифериане Гумилева.

Вместе с тем, было бы в корне неверным отрицать оригинальность купринского прочтения концептуальных идей, высказанных устами одного из популярных авторов Ветхого Завета, а именно «Екклезиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме» (Еккл., 1:1). Более того, именно слова Проповедника, звучащие в повествовании о девушке с виноградника, задают важнейший алгоритм развития любовной темы, нашедшей свое воплощение в трилогии, которая продолжается «Гранатовым браслетом» и завершается «Ямой».

Основанием для подобного утверждения выступает не только специфическое распределение акцентов в купринской истории о последней любви царя Соломона. Вряд ли можно считать случайностью, что в финале «Ямы» автор предлагает нам прослушать уродливую вариацию на тему «Песни Песней», когда проститутка Тамара, задумавшая обобрать нотариуса, опошляет возвышенные слова Суламифи («Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною – любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» (Песн., 2:4–5)): «Милый мой, обожаемый царь Соломон! Твоя Суламифь, твоя девочка из виноградника, приветствует тебя жгучими поцелуями... Милый, сегодня у меня праздник, и я бесконечно счастлива. Сегодня я свободна так же, как и ты. Он уехал в Гомель на сутки по делам, и я хочу сегодня провести у тебя весь вечер и всю ночь. Ах, мой возлюбленный! Всю жизнь я готова провести на коленях перед тобой! Я не хочу ехать никуда. Мне давно надоели загородные кабачки и кафешантаны. Я хочу тебя, только тебя... тебя... тебя одного! Жди же меня вечером, моя радость, часов около десяти одиннадцати! Приготовь очень много холодного белого вина, дыню и засахаренных каштанов. Я сгораю, я умираю от желания!» [6, с. 327].

Кроме того, основная идея «Ямы» откровенно созвучна одному из главных тезисов соломоновой книги: «Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми: Бог дает человеку богатство и имущество и славу, и нет для души его недостатка ни в чем, чего не пожелал бы он; но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек: это – суета и тяжкий недуг!» (Еккл., 6:1–2).

Однако *созвучие* плохо поддается формализации, отдает вкусовщиной и нередко приводит исследователя к ложным заключениям. Так, в начале 1990-х ученому сообществу были дарованы «отчасти параллельные» Кавафис и Гумилев. И не беда, что поэты ничего не знали о существовании друг друга. Поскольку они иногда писали на общие темы, «сходство между ними намного значительнее, чем может показаться при беглом обзоре тематических совпадений и перекличек»: «Параллельными оказываются критические фазы литературного старта, поворотов в творческом направлении. Оба поэта начинали

как романтики и, как писал Сеферис о Кавафисе, слишком «долго задержались под влиянием романтической традиции. Оба приложили немало усилий, чтобы освободиться от этого влияния, и затем „отреклись“ от своих ранних стихотворений» [4, с. 58]. Развивая этот фундаментальный тезис, создательница «отчасти параллельных» поэтов приходит к не менее фундаментальным выводам: «Для финала этого краткого сопоставления в высшей степени подходит стихотворение Гумилева „Мои читатели“ <...>, столь многим *напоминающее* Кавафиса – и „Фермопилы“, и „Покидает Дионис Антония“. <...> Модель человеческого поведения, которую предлагает своему читателю Кавафис – как непосредственным внушением, в дидактических стихотворениях 1900-х годов, так и позднее, скрытым внушением, спрятанным в критерии оценок, такова, что и к нему приложима самохарактеристика Гумилева: „чести сторож неизменный“. Кодекс чести, повелевающий охранять воздвигнутые тобою же Фермопилы (Кавафис), „не бояться и делать что надо“ (Гумилев), трепетная любовь к „жестокой, милой жизни“ (Гумилев) и желание „внимать и наслаждаться каждым звуком“ (Кавафис), стоическая мудрость и мужество в трудных испытаниях, а также перед лицом смерти роднят эти стихотворения (и их авторов) и по духу, и по тону поэтического голоса» [4, с. 64–65]. Убедительнее и не скажешь...

Другой толкователь Гумилева искренне уверял читающую публику, что голый и черный карлик «по имени Акка», скалящий ужасные зубы в стихотворении «Экваториальный лес», связан с неким царствующим домом: «Трудно сказать, сознательно или нет, но Гумилев заимствовал это имя из романа Хаггарда „Люди тумана“ – причем, в любопытном соотношении с сюжетом романа: там имя Акка принадлежит царице-богине, роль которой принимает на себя одна из героинь романа, тогда как карлик по прозвищу Оттер изображает ее мужа, являющегося представлением змея (ср. в тексте Гумилева: „...я голоден, Акка, Излови, если, можешь, большую змею!“)» [2, с. 182–183]. Правда, карлик с бульдожьим лицом, скорее всего, принадлежал к племени пигмеев аккасов (или акка [1; 8, XIII, стб. 246–247]). Но подобная мелочь не заслуживает внимания просвещенного толкователя, который выстраивает на основании этого (и многих) других созвучий теорию гумилевского оккультизма.

Впрочем, с толкованием купринского текста дело обстоит ничуть не лучше. Боюсь показаться еретиком, но меня не слишком убеждают речения о фундаментальном значении бетховенской композиция в составе «Гранатового браслета». В галлюцинациях княгини Веры мне почему-то слышится голос бездны, а эротический накал «Суламифи» представляется сомнительным.

Что ж, вопрос о месте Бетховена в творении Куприна навсегда останется дискуссионным. И оценка желтковской «молитвы» зависит исключительно от убеждений читателя. Но можно ли отрицать жгучую эротику «Суламифи»? Как известно, эта повесть является переложением «Песни Песней Соломона», и отрицание присутствия эротической линии в структуре первичного текста не имеет никакого смысла. Более того, следует подчеркнуть, что с конца XVIII века на первый план выходит именно любовно-драматическое начало [7, стб. 458], напрочь перекрывая ту аллегорическую составляющую «Песни...», что открыла ей дорогу и к еврейской пасхальной литургии, и к каноническим книгам христианского Писания [3, с. 37–42; 7, стб. 457; 9].

Правда, если верить мнению Горького в передаче С. Ауслендера, Куприн непоправимо испортил смысл оригинала; он «хороший бытописец, но совсем незачем было ему трогать „Песню песней“ – это и без него хорошо. А Соломон его смахивает все же на ломового извозчика» [цит. по: 5, V, с. 404]. Возможно, в какой-то мере «буревестник революции» прав: Куприн не склонен к тонкой игре смыслами и безжалостно, вплоть до прямых цитат, эксплуатирует ресурсы первоисточника. – «Встань, возлюбленная моя, – звучит в Суламифи голос Соломона. – Прекрасная моя, выйди. Близится утро, раскрываются цветы, виноград льет свое благоухание, время пения настало, голос горлицы доносится с гор» [5, V, с. 29]. – «Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!» (Песн., 2:10–12).

«О да, гляди, гляди на меня, возлюбленный, – говорит купринская Суламифь. – Глаза твои волнуют меня! О, какая радость: ведь это ко мне, ко мне обращено желание твое! Волосы твои душисты. Ты лежишь, как мирровой пучок у меня между грудей!

Время прекращает свое течение и смыкается над ними солнечным кругом. Ложе у них – зелень, кровля – кедры, стены – кипарисы. И знамя над их шатром – любовь» [5, V, с. 32]. – «Мирровой пучок – возлюбленный мой у меня, у грудей моих пребывает. <...> О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные. О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас – зелень; кровли домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы» (Песн, 1:12, 14–16).

И, наконец, главное: «Так посетила царя Соломона – величайшего из царей и мудрейшего из мудрецов – его первая и последняя любовь.

Много веков прошло с той поры. Были царства и цари, и от них не осталось следа, как от ветра, пробежавшего над пустыней. <...>

Любовь же бедной девушки из виноградника и великого царя никогда не пройдет и не забудется, потому что *крепка, как смерть, любовь*, потому что каждая женщина, которая любит, – царица, потому что любовь прекрасна!» [5, V, с. 37; курсив мой. – С. С.] – «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо *крепка, как смерть, любовь*; <...> Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением» (Песн., 8:6–7; курсив мой. – С. С.). Словом, прочь домыслы! Не праздник плоти занимает Куприна, не история взаимного соблазнения селянки и всесильного царя, ибо все замыкается в одной-единственной фразе – «*крепка, как смерть, любовь*».

Но сколь избирательно воспроизводят «Песнь Песней» купринские герои! Ведь в первоисточнике все немного по-другому: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный» (Песн., 8:6–7)! И что же в итоге одерживает верх: чистая любовь еще вчера невинной девушки или ревность многоопытной царицы Астис? И что главное в ключевом сравнении: любовь или смерть? Ответ очевиден...

Перенося рассуждение в болезненный мир героев «Гранатового браслета», мы находим новый поворот темы: «Аносов довольно долго молчал. Потом протянул неохотно:

– <...> Но вот в большинстве-то случаев почему люди женятся? Возьмем женщину. Стыдно оставаться в девушках, особенно когда подружки уже выходили замуж. Тяжело быть лишним ртом в семье. Желание быть хозяйкой, главной в доме, дамой, самостоятельной... К тому же потребность, прямо физическая потребность материнства, и чтобы начать вить свое гнездо. А у мужчины другие мотивы. Во-первых, усталость от холостой жизни, от беспорядка в комнатах, от трактирных обедов, от грязи, окурков, разорванного и разрозненного белья <...>. Во-вторых, чувствуешь, что семьей жить выгоднее, здоровее и экономнее. В-третьих, думаешь: вот пойдут детишки, – я-то умру, а часть меня все-таки останется на свете... нечто вроде иллюзии бессмертия. В-четвертых, соблазн невинности, как в моем случае. Кроме того, бывают иногда и мысли о приданом. А где же любовь-то? Любовь бескорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? Та, про которую сказано – «сильна, как смерть»? Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость. Постой, постой,

Вера <...> Ты пойми, о какой любви я говорю. Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться» [5, V, с. 226–227]. Прекрасные слова! Но трагедия необходимым образом предполагает смерть... И, словно желая, доказать верность этого утверждения, Куприн чуть ли не за руку приводит Желткова к бездне окончательной гибели.

Безусловно, с житейской точки зрения я полностью неправ. Ведь чувство героя к Вере Шеиной служит неопровержимым доказательством того, что настоящая любовь есть! – «Скажите, князь... предположим, что вам это неприятно... скажите, – что бы вы сделали для того, чтоб оборвать это чувство? Выслать меня в другой город, как сказал Николай Николаевич? Все равно и там так же я буду любить Веру Николаевну, как здесь. Заключение меня в тюрьму? Но и там я найду способ дать ей знать о моем существовании. Остается только одно – смерть... Вы хотите, я приму ее в какой угодно форме» [5, V, с. 238]. Да и дальнейшее развитие событий наводит на иные мысли. Хочется рассуждать о новом типе романтического героя: этаким русском Ромео пополам с юным Вертером, хотя Вера явно не тянет ни на Джульетту, ни на Лотту.

Но, к несчастью, в отличие от названных прототипов, Желтков одержим отнюдь не романтической манией, и его фетишизм давно перерос в идолопоклонство, надо заметить, весьма оригинальное идолопоклонство. Его идол есть аналог бога живого. Его молитва – редуцированный и феминизированный «Отче наш» (Мф., 6:9–13; Лк., 11:2–4), смысл которого сведен к одной-единственной строке «Да святится имя Твое»: – «Вот сейчас я вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбия я не знал. Я перед тобою – одна молитва: „Да святится имя Твое“» [5, V, с. 245];

«В предсмертный печальный час я молюсь только тебе. Жизнь могла бы быть прекрасной и для меня. Не ропщи, бедное сердце, не ропщи. В душе я призываю смерть, но в сердце полон хвалы тебе: „Да святится имя Твое“».

Ты, ты и люди, которые окружали тебя, все вы не знаете, как ты была прекрасна. Бьют часы. Время. И, умирая, я в скорбный час расставания с жизнью все-таки пою – слава Тебе.

Вот она идет, все умиротворяющая смерть, а я говорю – слава Тебе!...» [5, V, с. 246]. Увы, божеством несчастного безумца стала им же сотворенная новая Изида. Да и сам он оказался подобен ливанскому отшельнику из «Суламифи», добровольно оскопившему себя во имя жены и сестры Озириса [5, V, с. 52]. На таком фоне самоубийство и потеря бессмертия души – сущая ерунда. Да и к чему она, если будущей жизни нет...

А если есть? Или напрасно сказал своей возлюбленной царь Соломон: «Жизнь человеческая коротка, но время бесконечно, и вещество бессмертно. Человек умирает и утучняет гниением своего тела землю, земля вскармливает колос, колос приносит зерно, человек поглощает хлеб и питает им свое тело. Проходят тьмы и тьмы тем веков, все в мире повторяется, – повторяются люди, звери, камни, растения. Во многообразном круговороте времени, и вещества повторяемся и мы с тобою, моя возлюбленная. Это так же верно, как и то, что если мы с тобою наполним большой мешок доверху морским гравием и бросим в него всего лишь один драгоценный сапфир, то, вытаскивая много раз из мешка, ты все-таки рано или поздно извлечешь и драгоценность. Мы с тобою встретимся, Суламифь, и мы не узнаем друг друга, но с тоской и с восторгом будут стремиться наши сердца навстречу, потому что мы уже встречались с тобою, моя кроткая, моя прекрасная Суламифь, но мы не помним этого» [5, V, с. 53–54]. Безусловно, сказал. Только мало радости от слов, явно связанных с известными строками то ли Гейне («Sie liebten sich beide»), то ли Лермонтова («Они любили друг друга так долго и нежно...»), которые выступают в безумном союзе с энгельсовой «Диалектикой природы» под общей редакцией Гераклита, Платона, Ломоносова и Екклесиаста.

Хотя могло ли быть по-иному в той художественной реальности, где даже «Река жизни» способна обернуться синтезом первозданного Хаоса с прообразом ноосферы, действующими по закону взаимодействия двух бездн, но с поправкой на философию Гегеля? – «Ах, я думаю, что ничто в мире не пропадает, – ничто! – не только сказанное, но и подуманное. Все наши дела, слова и мысли – это ручейки, тонкие подземные ключи. Мне кажется, я вижу, как они встречаются, сливаются в родники, просачиваются наверх, стекаются в речки – и вот уже мчатся бешено и широко в неодолимой Реке жизни. Река жизни – как это громадно! Все она смывает рано или поздно, снесет все твердыни, оковавшие свободу духа. И где была раньше отмель пошлости – там сделается величайшая глубина героизма. Вот сейчас она увлечет меня в непонятную, холодную даль, а может быть, не далее как через год она хлынет на весь этот огромный город, и потопит его, и унесет с собою не только его развалины, но и самое его имя!» [5, IV, с. 301–302]. И это мысли самоубийцы, за восемь минут до выстрела в висок...

До Екклесиаста, студенту, конечно, далеко. Но отрицать связь его прозрений с прозрениями купринского Соломона тоже не стоит... И река жизни, и речения сына Давидова берут начало в одном истоке, имя которому пессимизм. Великий царь, строитель храма и прочая, и прочая увидел вдруг «в своих

исканиях, что участь сынов человеческих и участь животных одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом. И понял царь, что во многой мудрости много печали, и кто умножает познание – умножает скорбь. Узнал он также, что и при смехе иногда болит сердце и концом радости бывает печаль.

И однажды утром впервые продиктовал он Елихоферу и Ахии:

– Все суета сует и томление духа, – так говорит Екклезиаст» [5, V, с. 12]. Но не только Екклезиаст. Куприн представляет нам контаминацию избранных мест из Проповедника и Притчей Соломоновых. В первом случае использованы хрестоматийные строки о прямой связи знания и скорби, и столь же хрестоматийная формула «суета сует». Во втором – менее популярные у широкой публики слова из Книги Притчей: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их – путь к смерти. И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль. Человек с развращенным сердцем насытится от путей своих, и добрый – от своих» (Притч., 14:12–14). Обратите внимание, тезисы Проповедника не просто обрамляют жестокий смысл реминисценции. Единжды возникший на страницах «Суламифи» Екклезиаст, на мой взгляд, дает внимательному читателю возможность особого взгляда на историю любви, которая «дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти» [5, V, с. 13].

Как ни грустно, *эта* любовь изначально была обречена. Обречена, ибо поверил Соломон, что возможно наслаждаться «жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем» (Еккл., 9:9).

Обречена, ибо забыл Соломон, что ««горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Еккл., 7:26).

Обречена, ибо открывая тайны бытия своей единственной Суламифи, умножал познания, а «кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл., 1:18)...

И торжественная песнь в честь великой силы любви вступает в диалог с тихой мелодией всепобеждающей смерти, и Екклесиаст постепенно одерживает верх над Соломоном. Пессимистической настрой книги Проповедника, скрыто подчеркивая трагизм «Суламифи», в «Гранатовом браслете» определяет новые правила игры в любовь, которая не просто «сильна, как смерть». *Она и есть смерть*. Иногда – окончательная...

Да, «все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» (Еккл., 1:7). Но «всему

свое время, и время всякой вещи под небом» (Еккл., 3:1). Для героев Куприна время рождаться прошло – наступило время умирать.

Список литературы

1. Акка // Энциклопедический словарь. СПб., 1890. Т. I. С. 284.
2. Богомолов Н. А. Гумилев и оккультизм. Продолжение темы // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 181–200.
3. Глаголев А. А. О книге Песнь Песней Соломона // Толковая Библия: в 12 т. Репринт. изд. 1904–1913 гг. Стокгольм, 1987. Т. 5. С. 37–50.
4. Ильинская С. Б. К. Кавафис – Н. Гумилев: «отчасти» параллельные // Н. Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С. 58–66.
5. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Правда, 1964. (Б-ка «Огонек»).
6. Куприн А. И. Яма // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 5. Произведения 1914–1928. С. 5–333.
7. Песнь Песней // Краткая еврейская энциклопедия: в 11 т. Иерусалим, 1976–2005. Т. 6. Стб. 456–459.
8. Реклю Э. Земля и люди: Всеобщая география: в 19 т. СПб.: Обществ. польза и К°, 1898–1901.
9. Шир-аШирим, или Песнь Песней: общие факты. Электронный ресурс. URL: <https://toldot.ru/PesnPesney.html> (дата обращения: 24.03.2021).

References

1. Akka // *Enciklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1890. T. I. P. 284 (In Russian).
2. Bogomolov N. A. *Gumilev i okkul'tizm. Prodlolzhenie temy* [Gumilev and the occult. Continuation of the topic] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 1997. № 26. Pp. 181–200 (In Russian).
3. Glagolev A. A. *O knige Pesn' Pesnej Solomona* [About the Book of Songs of Solomon] *Tolkovaya Bibliya: v 12 t.* [Explanatory Bible: in 12 v.]. Reprint. izd. 1904–1913 gg. Stokgol'm, 1987. T. 5. Pp. 37–50 (In Russian).
4. Il'inskaya S. B. K. *Kavafis – N. Gumilev: «otchasti» parallel'nye* [K. Cavafis – N. Gumilev: "partly " parallel] *N. Gumilev i russkiy Parnas* [N. Gumilev and the Russian Parnasus]. St. Petersburg, 1992. Pp. 58–66 (In Russian).
5. Kuprin A. I. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [Collected works: In 9 vols.] Moscow: Pravda Publ., 1964. (B-ka «Ogonek») (In Russian).
6. Kuprin A. I. *Yama* [Yama] *Kuprin A. I. Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Kuprin A. I. Collected works: in 6 vols.]. Moscow: GIHL, 1958. T. 5. *Proizvedeniya 1914–1928*. Pp. 5–333 (In Russian).
7. *Pesn' Pesnej. Kratkaya evrejskaya enciklopediya: v 11 t.* [The Concise Jewish Encyclopedia: In 11 vols.]. Ierusalim 1976–2005. T. 6. Stb. 456–459 (In Russian).
8. Reklyu E. *Zemlya i lyudi: Vseobshchaya geografiya: v 19 t.* [Earth and People: Universal Geography: In 19 vols.]. St. Petersburg: Obshchestv. pol'za i K°, 1898–1901 (In Russian).
9. *Shir-aShirim, ili Pesn' Pesnej: obshchie fakty* [Shir-Ashirim, or the Song of Songs: general facts]. URL: <https://toldot.ru/PesnPesney.html> (data obrashcheniya: 24.03.2021) (In Russian).